

ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
РУССКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
Томский отдел

ПАМЯТИ А.А. ЗЕМЦОВА

Томск–2010

А.М. Малолетко
А.А. ЗЕМЦОВ В МОЕЙ ЖИЗНИ

Память не сохранила подробности первой встречи с Алексеем Анисимовичем Земцовым, молодым преподавателем, который только в прошлом (1945) году окончил географический факультет и был оставлен на кафедре гидрологии и геоморфологии. Запомнились лекции по общему землеведению, которые читал А.А. нам, первокурсникам. Нет, не высоким уровнем запомнились нам эти лекции. Жутким холодом, который царил в БИНе (ныне корпус № 3), запомнились лекции, которые мы слушали в этом учебном корпусе в зиму 1946/47 гг. Четыре «пары» высидеть в холодном и неудобном БИНе, будучи всепостоянно голодным, – по нынешним условиям невысказанный подвиг. Печное отопление при хроническом недостатке топлива не могло оказать достойного сопротивления жутко холодной зиме.

Лекции по общему землеведению мы слушали на первом этаже, в угловой 11-й аудитории. Студенты, две группы, плотно забивали аудиторию (строгая дисциплина не позволяла пропускать лекции), сидели в шапках, не снимая верхней одежды. Алексей Анисимович стоял перед столом с непокрытой головой, накинув на плечи чёрное длинное пальто. Кто-то пытался что-то записать в тетрадку. Большинство же сидели молча, с тоской ожидая конца четвёртой пары. Лишь изредка слышался шёпот «Володька!». Часы были одни на 50 человек – у Володи Берняковича, которому брат эту редкость привёз с фронта, точнее – из Германии. Бернякович изображал пальцами количество минут, оставшихся до звонка... Экзамен по общему землеведению я сдал на четвёрку.

По-видимому, в первые два года учёбы у меня установился с Алексеем Анисимовичем какой-то благожелательный контакт, так как после второго курса он предложил мне участвовать в экспедиции на Север. По каким-то причинам я отказался.

Этот «благожелательный контакт» продолжал быть прочным, очевидно, и на старших курсах. По крайней мере, работая на производстве (в геологических партиях Западно-Сибирского геологического управления), я нередко посещал Томск для работы в биб-

лиотеке и обязательно приходил в гости к Земцовым. Иногда не надолго останавливался у них. Супруга Алексея Анисимовича, Мария Матвеевна, выпускница Томского госуниверситета, начинала трудовую деятельность на родном географическом факультете, затем длительное время преподавала в педучилище. Эта замечательная «семейная» женщина скончалась 18 августа 2009 г. Гостеприимство в семье Земцовых всегда было тёплым и искренним, запоминающимся.

В 1951 г. я окончил университет, защитив дипломную работу на тему «Геоморфология Нижнего Притоболъя». Заведующий кафедры исторической геологии доцент Леонид Алексеевич Рагозин предложил мне поступать к нему в аспирантуру, но я отказался («Мне надоело жить на стипендию» – мотивировал я свой отказ). Я получил распределение в Якутию, в Амакинскую экспедицию, которая первой открыла алмазоносные россыпи. Но из Западно-Сибирского геологического управления (г. Новосибирск) приехал старший инженер по съёмке Владимир Пантелеймонович Казаринов. Ему для геолого-гидрогеологической съёмки в Кулунде требовался геоморфолог, знающий «рыхлятину». После разговора с Наумом Александровичем Нагинским, моим научным руководителем и заведующим кафедрой геоморфологии, моё направление в Якутию «переиграли» в пользу Западно-Сибирского геологического управления. Но в Новосибирске главный инженер управления Виктор Иванович Кусочкин направил меня на работу в Салаирскую бокситовую экспедицию (№ 81).

Н.А. Нагинский как-то узнал мой почтовый адрес (я тогда работал в партии № 24 в Салаирской тайге) и пригласил к себе в заочную аспирантуру. Не без помощи Н.А. Нагинского я преодолел вступительный экзамен по истории партии и был зачислен в аспирантуру. Первая тема диссертации «Геоморфология Салаирского кряжа» была раскрыта довольно быстро, так как фактический материал буквально шел в руки «навалом». Но я быстро потерял интерес к этой теме, чему способствовала и потеря связи с руководителем, который покинул Томск. Я с увлечением стал разрабатывать палеогеографические аспекты южной части Западной Сибири. Этот интерес диктовался производственными задачами, которые традиционными геологическими методами не решались, но реша-

лись на основе палеогеографического анализа. Алексей Анисимович был в курсе моих новых увлечений, ценил их. В начале 60-х гг. он даже стал сердиться: «Ну что ты тянешь!?» (с представлением диссертации).

Наконец, в самом начале 1965 г. я прислал Алексею Анисимовичу свой «кирпич» с просьбой сделать замечания. Ответ был однозначный и категоричный: ничего не переделывать, оформлять документы. Я получил «одобрям-с» руководства Западно-Сибирского геологического управления (г. Новокузнецк) и в начале марта, чуть ли не в свой день рождения, приехал в Томск. В Томске определились официальные оппоненты – Венедикт Андреевич Хахлов и Алексей Анисимович Земцов. Защита диссертации проходила 15 мая в геологическом корпусе (№ 1) политехнического института. Я минут 40 делал свой доклад, выслушанный присутствующими с интересом и вниманием. В.А. Хахлов сделал краткий обзор своего отзыва, Алексей же Анисимович со свойственной ему основательностью разобрал мою диссертацию от корки до корки.

Скоре неожиданно получил предложение Алексея Анисимовича участвовать в конкурсе на замещение вакантной должности доцента кафедры географии, заведующим которой он был. Я с большим интересом и эффективно работал в полевых круглогодичных партиях, не тяготясь некоторыми дискомфортными условиями деревенского быта. Работа на производстве вполне устраивала меня. Технические возможности (буровые и горные работы, топографическая обеспеченность и пр.), мощная лабораторная база Западно-Сибирского геологического управления вполне обеспечивали мои научные интересы. Я никогда прежде не планировал изменение своей деятельности. Но в тот раз некоторые обстоятельства подтолкнули меня на этот решительный шаг.

Незадолго до ухода из жизни Алексей Анисимович рассказал следующее. «Ты не думай, что я пригласил тебя на кафедру потому, что мы были хорошо знакомы. Я помнил слова нашего общего учителя [Наума Александровича Нагинского], сказанные им в аэропорту, когда мы его провожали на другое место работы. Он сказал, что Малолетко – это талант».

Диссертацию мою утвердили по тем временам удивительно быстро – в июле, и я почувствовал себя более уверенным в новом – вузовском – статусе.

Для раскочки Алексей Анисимович поручил мне читать лекции по общему землеведению географам, основам геофизики метеорологам, были заочники, курсовики, дипломники... Нагрузка была – не соскучишься. Но в 1969 г. началась подготовка геоморфологов, и Алексей Анисимович загрузил меня как бывшего производственника множеством спецкурсов. Я благодарен ему за такое «доверие», так как поневоле мне пришлось самому узнать много нового при разработке курсов: методы геоморфологических исследований, методы палеогеографических исследований, геология россыпей, прикладная геоморфология, основные проблемы геоморфологии, гидрогеология. При такой большой нагрузке (в каком-то году моя учебная нагрузка составляла 1150 часов) надо было ещё заниматься наукой, писать докторскую диссертацию, книги и статьи, организовывать научные конференции... Но я благодарен Алексею Анисимовичу за такую суровую эксплуатацию: я значительно расширил свой кругозор, познал столь много удивительного.

После нескольких лет работы на кафедре Алексей Анисимович стал поговаривать о моей докторантуре. Он мотивировал это тем, что я недавно пришёл с производства, владею большим фактическим материалом и являюсь потому самой подходящей кандидатурой. Кафедре были срочно нужны доктора наук.

Я с удовольствием сел за диссертацию, которая была расширенным, более теоретизированным вариантом кандидатской. Работа была успешной, но перед финалом я надолго «загребел» в больницу в связи с неправильным диагнозом. Я остался жив лишь потому, что три месяца выбрасывал лекарства через больничное окно. И мне полегчало.

Видя, что моя диссертация не «вытанцовывается», Алексей Анисимович сам ушёл в докторантуру, которая вскоре завершилась успешной защитой в Новосибирске. Этой защите предшествовал небольшой конфликт между нами.

Однажды проректор по научной работе Михаил Петрович Кортусов вызвал меня к себе и, показывая на картотеку, сказал: «Вот

ты где у меня стоишь – на-попа». И пояснил: университет взял обязательство по соцсоревнованию – провести 11 защит докторских диссертаций. Десятерых он нашёл, а одиннадцатым досталось быть мне. Я стал оговариваться, что в связи с дроблением научных специальностей ВАК палеогеографию «вывел» из физической географии, и в Томском университете я не могу защищаться. На это проректор сказал, что надо писать в ВАК с просьбой разрешить защиту в Томске. Я написал, и вскоре пришёл положительный ответ. Но я и в этом случае не торопился с защитой. Не до этого было. Кортусов ещё раз вызвал. На этот раз я парировал, что время прошло, и разрешение не действительно. Проректор заставил ещё раз запросить ВАК. Тот подтвердил действительность разрешения на защиту. Алексею Анисимовичу очень не хотелось защищать докторскую диссертацию в Новосибирске. Теперь я его понимаю. Учёные академических институтов свысока относились к вузовским соискателям, считая себя светочами, а вузовские учёные с их кухонным языком и низким уровнем теоретизирования – это учёные не высшего сорта. Алексей Анисимович остро отреагировал, узнав, что я испросил у ВАКа разрешение только на свою защиту и не позаботился о друге. Но тогда у меня и мысли такой не появлялось...

Это был не первый случай недовольства Алексея Анисимовича моим поведением. Как-то в застолье Алексей Анисимович обнял меня за плечи и с укоризной сказал: «Михалыч, а я-то думал, что мы всё будем делать вместе». По-видимому, он думал сделать со мной тандем, какой у него был с С.Б. Шацким, лучшим его другом. Но наши научные интересы были разными: у него – Север, у меня – Юг Западной Сибири. Да и я по характеру не подходил к роли ведомого.

Алексей Анисимович, влюблённый в Север, нередко говорил мне: «Что ты ездешь на этот Алтай?! Север – вот это да!». Я парировал: «Что там на севере? Ну, рыба, дичь, олени, комары. А Алтай – это красота!». В 1976 г. мне впервые пришлось побывать на Таймыре. Первое, что я сказал Алексею Анисимовичу по возвращении: «Алексей Анисимович, Север – это великолепно. Но это надо видеть самому».

В 1981 г. я с трудом уговорил Алексея Анисимовича поехать на плато Путарана, точнее – на Хантайское озеро. Вот если бы на Север низменности...

Длина озера 110, максимальная ширина 16 км, максимальная глубина 387 м (определена впервые нами в 1977 г.), вторая в нашем государстве, после Байкала. Высота почти отвесных или ступенчатых берегов до километра. Есть на что посмотреть. Ну, и конечно, рыба – голец и сиги – не меряно в сетях ихтиолога Володи Романова, члена нашей экспедиции. Бросалась в глаза неприхотливость и приспособленность Алексея Анисимовича к полевым условиям сурового края. И любопытство. Хотя Алексей Анисимович сознавал, что за один месяц не собрать материал «под идею», на каждой нашей стоянке обходил окрестные места и докладывал мне, что в них есть интересного (галечники на высоких местах, ледовая или ледниковая штриховка на базальтовых берегах).

Запомнилось одно событие, которое могло закончиться трагедией. В сентябре возвращались от устья р. Кутарамакан в Малое Хантайское озеро (это примерно 100 км) на двух лодках. Володя Романов на «Волжанке», плоской с широким днищем, и я с Алексеем Анисимовичем на перегруженном «Прогрессе», прогонистом, но неустойчивом. Озеро слегка волновалось, но никакой угрозы не предвещало. Наш «Прогресс» шёл за «Волжанкой», которая как утюгом разглаживала складки-волны озера. Когда мы проходили мимо устья р. Эдындэ (тунг. Ветряная), я вдруг заметил, что озеро почернело, по гребням волн забегали белые барашки. По местным правилам, при белых барашках запрещалось быть на озере, так как они предвещали надвигающийся шторм. Володя повернул к северному берегу озера. Там одна за другой накатывались пенистые буруны на отмельный берег. О причаливании нечего было думать – сразу же захлестнёт волной, заболтает прибоем. Волжанка резко повернула от берега. При попытке сделать такой же маневр наш «Прогресс» опасно ложился на правый борт. Выбора не было. Или – или... Резкий поворот, пронесло... Догнали «Волжанку», пристроились за ней. Я стоял, держась за руль, не чувствуя холодных брызг, всё внимание на курс. За Амбарным мысом в ветровой тени на берегу лагерь геофизиков. Предлагаю заночевать, Володя против – у него завтра день рождения, его будут ждать на Малом

озере. Причалили, заменили бензиновые бачки полными. Пошли дальше. Шторм не утихал. Бачка хватает на два часа хода. Два часа прошли. Алексей Анисимович невозмутимо сидел справа от меня. Попросил его подержать руль. Сам перелез через груз, поболтал бачок. Бачок был почти пуст. Поставил бачок на уголок, чтобы высосать весь бензин. Впереди скальный берег, там под его защитой затишье. Хватило бы бензина. Хватило. Мотор чихнул два раза и заглох. Будь в бачке бензина на стакан меньше, путешествие наше на этом бы и закончилось. Охватила страшная усталость. Недалеко в протоке Дюпкун стояла самоходная баржа, пережидала шторм. Когда проходили мимо, команда во главе с капитаном баржонки Мишей Малигановым выстроилась вдоль борта. Что они думали в это время, глядя на нас?

Сменили бачок, по Дюпкуну вошли в Малое озеро. Рыбточка. Рыбаки и рыбприёмщик Феликс на берегу. Приткнулись. Рыбаки вытащили «Прогресс» на берег. Страшный холод охватил руки-ноги. Почти на четвереньках добрался до балка рыбприёмщика со словами «Феликс, замерзаю». Феликс подбросил дрова в буржуйку, поставил котелок с водой. Я сказал Володе, что в канистре ещё что-то осталось. Володя сходил к лодке, вернулся с канистрой, на дне которой что-то плескалось. Феликс оживился, достал из-под кровати тазик с икрой, воткнул ложку: «Будем закусывать». Бросил в кипящую воду порезанных на куски сигов и сразу же снял кастрюлю с огня. Когда отогрелись, Алексей Анисимович с олимпийским спокойствием посетовал мне, вроде чего ты испугался? Я вот на Енисее в бурю на весельных лодках переправлялся и ничего. Да, деревянные лодки не тонут, а транец «Прогресса» захлестнуло бы первой волной. И пошёл бы наш металлический «корабль» на глубину вертикально, носом вверх. Да и вода в озере плюс 4. Правда, когда согревшиеся, мы стали вспоминать это приключение, оно не показалось нам таким страшным и безнадёжным.

...Ближайшая самоходка (самоходная баржа) добросила нас до Снежногорска, где мы остановились в гостинице ГЭС, на первом этаже одного из могоэтажных кирпичных зданий. Была осень, гостиница пустовала, была тихой и уютной.

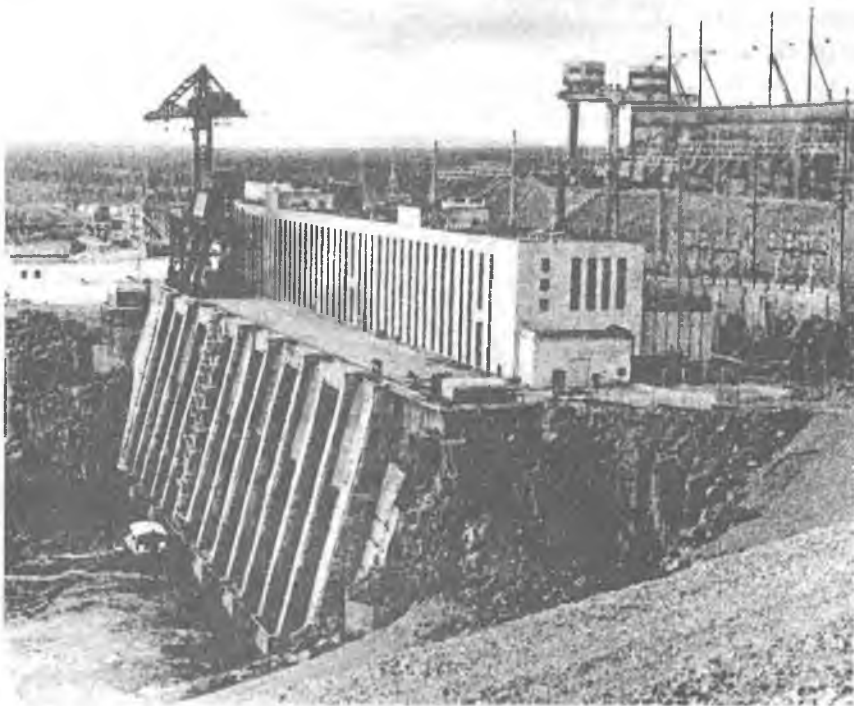

Снежногорск в 1984 г. Здание, где находилась гостиница

Дальше нам предстояло самолетом добираться по маршруту Снежногорск – Норильск – Красноярск – Томск. Маленький аэропорт Снежногорска был закрыт. Волна теплого воздуха навалилась на холодную землю и вызвала густой молочный туман. Туман был настолько густ, что вершину телеграфного столба нельзя было увидеть, стоя рядом. Но по совету бывалых местных жителей мы утром выезжали на автобусе в аэропорт, надеясь, что какой-нибудь заблудившийся вертолёт сделает посадку и добросит нас до Норильска. На Севере такие полёты вне расписания – обычное дело.

Но два дня мы упорно сидели в домике аэропорта, с надеждой выискивая «окно» в молоке тумана. Но тщетно. Часов в 5 вечера мы возвращались в гостиницу, ненадолго заглянув в магазинчик. Мы поражались обилию вин (на двух полках ни одной повторяющейся бутылки!) и разнообразной закуски. В гостинице ставили табуретку между нашими кроватями, а сами садились на кровати. Алексей Анисимович, всегда сдержанный, раскрепощался и рассказывал много интересного о своих одиссеях на Северах. Однажды заглянула к нам директор гостиницы, дородная и самодовольная женщина. Встала в проёме двери, прислонившись к косяку. Долго слушала нас, затем не то с возмущением, не то с издевкой сказала: «Вы что, как нелюди. Рядом стол стоит, а вы за табуреткой ...». Мы никак не отреагировали на замечание. На третий

день мы вылетели на случайно севшем на заправку нерейсовом самолёте. Самолет низко пролетел над ГЭС, мы бросили последний взгляд на посёлок... Цивилизация в Красноярске встретила нас шумом и толкотнёй...

Хантайская ГЭС в 1978 г. Фото А. Познякова

Думаю, в научном плане поездка на Хантайское Алексею Анисимовичу мало, что дала. Но в книгу «Природа Хантайской гидро-системы» (Томск, 1988, 336 с.) он всё-таки написал раздел «Из истории изучения рельефа плато Путарана».

К моему увлечению и работе с археологами Алексей Анисимович относился со скрытым неодобрением. Похоже, он считал, что надо изучать одну науку, не разбрасываться, только тогда научные изыскания будут глубокими и плодотворными. А может быть, думал, что это бесперспективное занятие. Но во мне, очевидно, затаился гуманитарий, который искал выхода на белый свет. К тому же, изначально в работе с археологами я занимался лишь па-

леогеографическими реконструкциями, методику которых я хорошо знал ещё со своих геологических времён. Удачной была монография «Бронзовый век Васюганья» (1979) с глубоким палеогеографическим (палеоэкологическим) анализом.

Я не знаю, как воспринял Алексей Анисимович мой уход из университета в 1976 г. Специализация «геоморфология» была закрыта. Осталось довести до дипломирования последние два курса. На других специализациях я как преподаватель не был задолжен. Особых проблем с чтением «моих» лекций не было. Но отношения наши стали прохладными. По крайней мере, при моих частых посещениях родной кафедры Алексей Анисимович не интересовался моими текущими успехами и планами на будущее. Нужно отдать должное мудрости Алексея Анисимовича. Он никогда на первое место не ставил свои личные оценки человека. Для него важнее было отношение человека к своему делу, своим обязанностям и, естественно, квалификация.

По возвращении «блудного сына» из Барнаула в родные пенаты в 1979 г. Алексей Анисимович старательно разобрался с моей учебной нагрузкой, как вдруг выяснилось, что меня приказом провели на ставку профессора по кафедре охрана природы. Заведующий этой кафедрой профессор Иннокентий Прокопьевич Лаптев в штыки встретил моё назначение. Со словами «Я заведующий и я сам подбираю свои кадры» выставил меня за дверь. У него были другие виды на преемника. Я обратился к декану, который сказал, что, не всё ли равно где числиться, можно фактически работать и на кафедре географии, а числиться на кафедре охрана природы, и я остался номинальным сотрудником кафедры охраны природы. И, даже работая на кафедре географии, аттестат профессора я получил по кафедре охрана природы. Академик Абел Гезович Аганбегян, директор Института экономики СО АН СССР, вручая мне в Новосибирске ВАКовский аттестат профессора, с удивлением сказал, что впервые видит такого профессора. И действительно, я тогда был первым профессором по кафедре охрана природы от Урала до Тихого океана.

Алексей Анисимович был не против того, чтобы такой «нелегал» разгрузил немного кафедру, и принял меня без разговоров. Он поручал мне новые курсы, с большинством из которых я в свои студенческие годы не был знаком и по роду производственной деятельности не сталкивался. Он был уверен, что я осилю их. Я не

обманул его ожиданий. Более того, я до сих пор благодарен за эту «нешадную эксплуатацию», когда я по производственной необходимости вынужден был хорошо изучить не знакомые мне стороны географической или смежной науки, повысить, так сказать, свой профессиональный уровень. Я читал около десятка курсов. Это были основы геофизики метеорологам, а для географов разработал и многие годы с удовольствием читал курс методы полевых географических исследований, а также курсы геохимия ландшафтов, географическое прогнозирование, мелиоративная география, гидрогеология, топонимика, инженерная география, история географических открытий.

Я организовывал и проводил интересные учебные практики в Алтайском крае (озёра Телецкое, Ая, Иткуль, реки Чумыш и Чарыш), на Таймыре (Хантайское озеро). При этом все учебные практики были увязаны с потребностями различных организаций. Мы работали по заданиям Алтайского государственного заповедника и Телецкой озёрной станции, Гидрогеологической экспедиции 15-го района, археологической экспедиции Алтайского государственного университета, Айского дома отдыха «Химик», Научно-исследовательского института биологии и биофизики при Томском государственном университете.

Практика на р. Чумыш (1982 г.)

Студенты чувствовали ответственность за порученное дело, и работали особенно старательно. Многие материалы, собранные студентами во время учебных практик, позднее были опубликованы. Увидели свет коллективная монография «Природа Хантайской гидросистемы», 1988; «Озеро Ая и его окрестности», 2003, 2004, 2008; «Озеро Иткуль в Верхнем Приобье», 2006, в соавторстве с бывшим студентом А.Я. Селезнёвым; «Телецкое озеро», 2007; немало журнальных статей.

Нередко приходилось позже слышать от студентов восторженные воспоминания о тех днях, хотя я работу с них спрашивал как с маленьких, особенно строгости большие были по линии соблюдения правил безопасности. По завершении практик студенты отчитывались на заседаниях географического кружка. Научная работа студентов кафедры была всегда на высоком уровне. Отчитываться заведующему о научной студенческой работе было чем.

А.А. Земцов выступает с докладом на конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Р.С. Ильина

Я благодарен судьбе за знакомство с таким неординарным человеком как Алексей Анисимович. Я благодарен ему за участие в моей судьбе. Трудно даже предположить, как сложилась бы моя судьба, если бы мои учителя – Н.А. Нагинский, Г.Г. Григор и А.А. Земцов не заметили меня, не оценили бы мою тягу к науке, ко всему удивительному, что есть в мире – в природе и обществе.

*Алексей Михайлович Малолетко,
выпускник кафедры геоморфологии
Географического факультета ТГУ 1951 г.
доктор географических наук,
профессор кафедры географии ТГУ*

А.М. Малолетко
БЫЛИНКИ А.А. ЗЕМЦОВА

Алексей Анисимович иногда по настроению рассказывал истории из своих геологических странствий на Севере. Некоторые из этих былинок мне запомнились.

Художник

Несколько сезонов у Алексея Анисимовича в должности завхоза экспедиции работал местный житель, хорошо знакомый с местными условиями жизни на Севере, так как много лет провёл в «местах не столь отдалённых». Потратил он немало лет для знакомства с этими местами, вышел на волю, но без права покидать эти, ставшие ему родными места. Работал он исправно, других рабочих держал в строгом повиновении, но не злоупотреблял и во всём помогал своему начальнику, то есть Алексею Анисимовичу. Однажды отряд остановился на ночёвку на берегу, где сухих дров для костра не было. Начальник, то есть Алексей Анисимович, деликатно предложил молодому рабочему приплавить на лодке сушняк с противоположного берега. Рабочий отказался. Алексей Анисимович поведал об этом завхозу. Тот подошёл к молодому рабочему, короткое движение рукой – и молодой рабочий уже корчился на песке. Потом поднялся и почему-то в полусогнутом положении быстро-быстро посеменял к лодке...

Завхоз и Алексей Анисимович, как начальники, занимали двухместную палатку. Укладываясь спать, Алексей Анисимович неизменно клал неразлучную полевую сумку с документами, планшетами и деньгами под голову. Как-то завхоз насмешливо сказал: «Анисымыч, что ты её прячешь, думаешь, нельзя её взять?». На что Алексей Анисимович ответил примерно так: «А как ты её возьмёшь из-под головы?».

Коллектив отряда коротал светлые летние вечера у костра. Огонь с древнейших времён притягивал к себе людей, сближал их, вырабатывая столь необходимый коллективизм.

Однажды за очередным бдением у костра завхоз, сидевший рядом, спросил Алексея Анисимовича, который час. Начальник по-

смотрел на часы и удовлетворил любопытство завхоза. На это завхоз сказал, что еще рано ложиться спать. Через какое-то время завхоз повторил свою просьбу. Алексей Анисимович посмотрел на часы ... а часов то на руке нет! Завхоз не то насмешливо, не то торжествующе сказал, протягивая часы: «А ты говорил, что нельзя из-под головы».

...Вскоре по возвращении в Томск, Алексей Анисимович закупил в магазине «Художник» масляные краски и высылал посылку в адрес завхоза, которому предстояло провести очередную длинную зиму на Севере. Завхоз недурно писал маслом картины, и Алексей Анисимович старался ему помочь в приобретении этого экзотического на Севере товара...

...Потом Алексей Анисимович потерял связь с завхозом. Ему поручили провести съемку района, недоступного для завхоза. Но на Севере все знают обо всех. До Алексея Анисимовича дошла и информация о делах завхоза. Как-то в начале зимы или в начале весны (по завершении охотничьего сезона), завхоз принёс на приёмный пункт пушнины аж на 30000 рублей. Небывалый успех даже для победителя соцсоревнования на звание «Лучший охотник». Милиция заинтересовалась этим «рекордом», и наложила арест на пушнину. Следствие не могло доказать незаконность добычи, так как ни от кого из охотников не поступало заявлений о краже или грабеже. Но не могло и поверить, что всю пушнину добыл сам сдатчик, не бывший профессионалом в этом виде охоты. Бывший завхоз в итоге не получил ни денег, ни пушнину. Так и осталась тайной для следствия и Алексея Анисимовича необычная удача бывшего завхоза геологического отряда. Алексей Анисимович всегда тепло отзывался об этом случайном помощнике в его северных странствиях

Член партии, начальник партии в болоте

Съёмочная партия стояла в немалом по северным меркам посёлке Колик-Ёган, что расположился на берегу одноимённой реки, которая до сих пор впадает справа в реку Вах. Начальником партии был в прошлом низовой партийный работник, замеченный в тесной дружбе с зелёным змием. С одной партийной работы друг

этого змия был уволен, но назначен на другую, тоже партийную работу, но уже в качестве её начальника. Дружба со змием продолжалась и при новом назначении, но это не отражалось на работе геологов, которые хорошо знали своё дело и не нуждались в руководящих указаниях. Начальник и геологи с успехом занимались каждый своим делом.

Однажды начальник после обильного возлияния стал разяснять рабочим, кто он и кто они. А они, как говорится, это кто от поезда отстал или из тюрьмы сбежал. Кстати, железной дороги в тех краях не было.

Рабочие молча и с вниманием выслушали начальника. Потом неизвестно под каким предлогом пригласили начальника прогуляться по ближайшим окрестностям. Недалеко от дороги увидели болото, которое им понравилось. Затем рабочие за руки, за ноги раскачали начальника и бросили его в болото, как можно дальше. Постояв немного, пока крики о помощи и бульканье пузырей не стихли, вернулись в посёлок.

Но начальство не тонет. Немного передохнув и собравшись с силами, а возможно, и протрезвев, начальник вновь стал звать на помощь. Проходящие мимо ханты не обращали внимания на крики. Старики хорошо знали, что хозяин болота рассердится, если отнимут у него жертву. Тогда и им не поздоровится. Таков обычай – не спасать утопающих. Сам выкарабкался – сам отвечай перед хозяином болота (реки).

На счастье начальника, по дороге мимо болота проходили несмышлёные школьники. Они услышали крики о помощи и, как принято поступать пионерам, решили выручить из беды русского начальника. По-видимому, начальник дал им адрес, к кому обращаться за помощью.

...Во время суда преступники не раскаялись. Они только со смешанным чувством сожаления и растерянности говорили: «Мы то думали, что он уже утонул!»

Беглый

Пришлось Алексею Анисимовичу снимать лист, через который проходила знаменитая сталинская дорога от Сале-Харда до Игар-

ки. Места гиблые, коренных жителей выселили, на смену им пришли заключённые, их охрана и вольнонаёмные специалисты. Выправив необходимые документы, отряд приступил к работе. Работа простая — подниматься на моторной лодке и описывать встречающиеся по берегам естественные выходы горных пород, которые (выходы) назывались обнажениями (в контексте с полчищами комаров слово это считалось издевательским). Охранники в комендатуре напутствовали: «Вам могут встретиться только беглые заключённые. Стреляйте в них сразу, не вступайте в разговоры. Ваша моторка и паспорта для них лучший подарок». Алексей Анисимович, как всегда, согласно кивал головой, даже не подозревая, что вскоре подобная история с ним приключится «в натуре».

...Мотор неторопливо тарыхтел, геологи осматривали берега. Всё шло как обычно. Вдруг в просвете между тальниками они увидели выбежавшего мужчину. Мужчин упал на колени и, жестикулируя, что-то кричал. Складывалась ситуация нестандартная, — а вдруг у него в кустах сообщники? Для всех их моторная лодка с запасом бензина — спасение, возможность выбраться на волю. Из разговора с незнакомцем стало ясно: бежали троё, остался один, остальные погибли, блуждая по тайге и толям. Беглец просил сдать его в ближайшую комендатуру. Что делать? Алексею Анисимовичу слова беглого показались искренними. Он предложил беглецу лечь в носу лодки и лежать, не двигаясь. И пригрозил: «Иначе будем стрелять». Кто-то из отряда сел с заряженным ружьём напротив.

Беглого сдали в ближайшей комендатуре. Охранники не поблагодарили за случайную помощь в поимке беглеца, но на полном серьёзе заметили, что, не надо было рисковать, надо было пристрелить.

СОДЕРЖАНИЕ

А.А. Земцов (вступительная статья) <i>А.М. Малолетко</i>	3
<i>Земцов А.А.</i> Из истории факультета	32
<i>Барышников Г.Я.</i> Алексей Анисимович Земцов – учитель и наставник	34
<i>Бураков Д.А.</i> Воспоминание об Алексее Анисимовиче Земцове	39
<i>Земцов А.А., Земцов А.К.</i> К девяностолетию со дня рождения Земцова Алексея Анисимовича	44
<i>Земцов В.Г.</i> Из воспоминаний племянника	47
<i>Колесникова (Барышникова) О.Н.</i> Счастливый человек	48
<i>Костюк (Евсеева) Н.С.</i> А.А. Земцов как учитель и наставник	57
<i>Кривенцов А.В.</i> Встречи с А.А. Земцовым	60
<i>Малолетко А.М.</i> А.А. Земцов в моей жизни	63
<i>Малолетко А.М.</i> Былинка А.А. Земцова	76
<i>Неверова Л.К., Вологодина Н.А.</i> Друзья семьи Земцовых	80
<i>Петкевич М.В.</i> Как мы ездили на дальнюю практику на Алтай	81
<i>Рудой А.Н.</i> Алексей Анисимович Земцов – заведующий кафедрой, учитель, старший товарищ	85
<i>Рудский В.В.</i> Профессор А.А. Земцов навсегда останется в наших сердцах	91
<i>Русанов Г.</i> Алексей Анисимович Земцов – первая встреча: воспоминание студента	93
<i>Ткачёв Б.П.</i> Воспоминание о совместной работе с Алексеем Анисимовичем Земцовым	96
<i>Хромых В.С.</i> Воспоминания об учителе	99